

«15.V. 1934. Милая моя Ляля. Вот уже второй день я выехал из Москвы... Очень милые соседи попались в поезде. Просидел я с ними до поздней ночи, хоть и стыдно признаться, но занимались тем, что выпивали и закусывали...

Ехать скучно, скучно из-за того, что я еду один, без Ляли. Нужно было бы уговорить тебя ехать со мной в Баку, а в случае твоего отказа увезти силой. Ведь мы живем во время сильных страстей и бурных поступков...

«15.VI. 1934... В Москве сел в мой вагон, но в другое купе армянский композитор Хачатурян. Он очень славный оказался спутник. Вместе с ним я обедал в вагоне-ресторане, и я должен сказать, что Хачатурян мне понравился куда больше, нежели обед. Потому что после обеда я остался голодным. Хачатурян принес мне замечательной колбасы и стоял над душой, пока я ее не съел.

Превосходный мой человек! Можно сказать, что с того момента, как я влюбился в тебя, почти совсем не могу есть. Правильно где-то было сказано, что «Страсть это болезнь»... Твой любящий Митя».

«16.VI. 1934. Милая Ляля. Изнываю от пыли и духоты. Это прямо Дантов ад, египетская жара... Прорехали час назад Минеральные Воды. Моего спутника композитора Хачатуряна вышла встречать его жена, которая живет сейчас в Железноводске. Они беззастенчиво целова-

Медведь - 10 лет. - 1954 г. - 15 февр. - 1954 г. - 15 февр. - 1954 г.

«Мы живем во время сильных страстей и бурных поступков»

лись и обнимались на перроне, нисколько не стесняясь присутствием посторонней публики. Сейчас Хачатурян сияет, как солнце, вернее, как хорошо вычищенный сапог, и едет дальше в значительно более хорошем настроении. Жена его очень мила собой и тоже композиторша. Я бы не женился на композиторше. Впрочем, это дело вкуса...

«17.VI. 1934. Баку. Моя милая, ненаглядная Ляля. После ленинградских холодов очень трудно переносить здешнюю жару. Кроме жары, здесь дуют сильные ветры — «Бок» по-русски значит город ветров... Сейчас дует так называемый «Норд» — из города в море. Ветер, дующий из моря в город, называется «Марьянна». Весь рояль засыпан песком. Репетировать также наш общий знакомый Б. М. Фрейдков. Ему так засыпало пылью горло (он, как известно, поет), что до сих пор выхаркивает из себя груды пыли. Первый раз в жизни благодарил судьбу за то, что я не певец. Хотя играть пальцами по пыльным клавишам тоже очень неприятно... Забыл еще сообщить, что меня очень радует присутствие Фрейдкова и мало радует присутствие драматурга Вишневого, «Оптимистической трагедией» коего Вы восхищаетесь».

«19.VI. 1934. Баку... После вчерашнего концерта мы с Фрейдковым пошли в ресторан и слушали цыган. Большой я любитель этого жанра. В силу чувствительности моего характера. Я еле сдерживал слезы — до того хорошо. Кроме них, под джаз выступает негр... В три часа ночи я вернулся в номер, а сейчас восемь часов, я уже встал и пишу Вам. Любовь...

«20.VI. 1934. Баку... А за любовь нельзя сердиться. Что же я с собой сделаю? Я стараюсь Вас разлюбить, а вместо этого люблю все больше и больше. И в моей любви к Вам много печали и огорчений...

Вчера ходил в здешний цирк. Смотрел французскую борьбу. Когда я жил в Иваново, мы с женой ходили всегда на борьбу».

«26.VI. 1934. «Абхазия»... Милая Ляля, вот уже три часа, как мы должны были выехать из Поти (первая остановка после Батуми), но все время стоим. В машинном отделении случилась авария, выбыла из строя одна машина.

Пассажиры волнуются. Парикмахер пароходный тоже волнуется: в Сухуми должна подсесть к нему в помощь маникюрша, а если она не подсядет, то он будет очень несчастлив, так как маникюрша именно в этот рейс должна дать ему решительный ответ на его сладострастные притязания: да или нет. Поэтому у него дрожат руки и ноги, и режет он своих пациентов нещадно. Мне это он все рассказал, когда я выразил ему свое участие, видя, что он страшно нервничает. В ответ я узнал, что он пылко влюблен в маникюршу и (см. выше). Всюду жизнь — как говорится, в священном писании. А я влюблен в Лялю,

интимные чувства Шостаковича не отразились в музыке в той степени, как у Бетховена или Шумана, но ранние прелюдии, Первое трио, опера «Ле-ди Макбет Мценского уезда», два квартета и некоторые вокальные произведения посвящены женщинам, которых Шостакович любил. Свое восприятие любви он передал в романах на стихи японских поэтов, в вокальном цикле на стихи Микеланджело, в романсе «Весна-весна» на стихи Пушкина. 42 письма и 3 телеграммы Дмитрий Дмитриевич адресовал Елене Евсеевне Константиновской, филологу. В 1934 году на международном музыкальном фестивале в Ленинграде, в программу которого входила опера «Ле-ди Макбет Мценского уезда», 20-летняя студентка университета Лена Константиновская, владевшая английским, немецким, французским и испанским языками, в качестве переводчицы участвовала во встречах Шостаковича с иностранными музыкантами. Дмитрий Дмитриевич задумал обучаться у Константиновской немецкому. Начались уроки. Несколько позже он отправился в концертную поездку и в течение двух недель писал Елене ежедневно. Эти письма доказывают очевидную истину: когда любовь отделяет гениев от творчества, обедняется познание самого творчества.

но парикмахеру об этом не рассказывал и, затаив страсть в себе, стал лечить йодом порезы, которые появились в результате пылкости пароходного Фигаро. Д. Шостакович».

«29.VI. 1934... Возможно, что это письмо последнее... Мне так грустно, так тяжело, что невозможно описать... Неужели вы, случайно появившись в моей жизни, бесследно исчезнете. Страшно подумать об этом».

«29.VI. 1934. Стоим в Туапсе. Здорово опаздываем. Осталось мне проехать Новороссийск, Анапу... В Анапе в 1926 году я прожил месяц... чуть там не был съеден стаей диких собак. Если бы не моя находчивость и храбрость (Вы, наверное, обратили внимание, что я наделен этими качествами в избытке), то вряд ли я продолжал бы жить. Вспоминаю также еще одно выдающееся событие. В 1929 году в Туапсе я видел, как солидный и взрослый мужчина бежал с выражением крайнего испуга на лице от свиньи. Свинья почему-то была им очень недовольна и всячески пыталась его укусить. Зрелище, достойное кисти Айвазовского. Чем дальше я еду, тем хуже становится мое настроение... Ах, если бы это путешествие я совершил не один, а с тобой, моя любимая Ляля! Пока что мне приходится на эту тему мечтать и строить воздушные замки. Грустно. Ужасно грустно.

...В музыкальном салоне есть прекрасный рояль, на котором я вчера поиграл... Добрая половина клавиш не действует. Жалко. А то, когда я группу, люблю побаловаться игрой на рояле. На некоторое время становится легче...

«30.VI. 1934. Ляля, подъезжаю к Ялте. Не могу удержаться и не написать тебе прощальный привет. Все время вспоминаю название пьес

Афиногенова «Страх». Не столь пьесе, сколь названию. Мне страшно. Что-то меня ждет в Ялте.

Жди меня в Ленинграде и обязательно приходи в тот день и час, который я назначу в телеграмме... Страстно любящий Д. Шостакович».

Примечание: в Ялте Шостаковича встретила жена Нина Васильевна, отсюда на пароходе отправился в Одессу, из Одессы в Москву и в Поленово, в Дом отдыха Большого театра... 6 июля переписка с Константиновской из Поленова и из Москвы возобновилась. Среди излияний и изложений забавных происшествий сообщается о трудном творческом состоянии, о наметках оперы-фарса, что приобретает важное значение в контексте других оперных планов тридцатых годов. Существенно и упоминание о сочинявшихся фугах.

«17.VII. 1934. Милая Ляля... Пишу только скучные фуги. Читаю я с восторгом Тургенева. С меньшим восторгом, но не без такового прочел «Капитальный ремонт» Вашего ученика Соболева... Задумал я написать оперу-фарс. Сюжет я уже выдумал. Все элементы фарса налицо. Впрочем, самое интересное, что начинается фарсом, а кончается кровавой трагедией. Думаю я об этой опере уже давно. И тут на свободе, на отдыхе, додумал сюжет до конца. Теперь дело в мельчайших подробностях, а потом можно перейти к партитуре... Крепко Вас обнимаю и целую. Д. Шостакович».

«26.VII. 1934. Ляля. Спасибо Вам за Ваше последнее письмо... Сочинять я ничего не могу. А так как ничего делать тоже не могу, то стал ежедневно сочинять по одной фуге. Написал уже три штуки. Очень плохо получилось. Из-за этого чувствую себя несчастным. В

общем, гораздо приятнее работать запоем, много, без передышки, чем ничего не делать и отдыхать».

«9.VIII. 1934. Милая Ляля. Выезжаю отсюда 12-го августа. Всегда очень страшно возвращаться домой после долгого отсутствия. В таких случаях всегда ждет какая-нибудь неприятность... Честно Вам признаюсь, что я все время старался разлюбить и позабыть вас, но ничего из этого не вышло. Мечтаю, чтобы Вы полюбили меня и стали моей женой. Видите, как далеко я зашел в своих мечтах, несмотря на то, что я в некотором роде женат...»

Примечание. 13 августа 1934 года в Москве произошел разрыв с Ниной Васильевной по ее инициативе. Но Шостакович не обрадовался обретенной «свободе», а воспринял ее, как трагедию, сообщая Константиновской: «Мне очень грустно и тяжело это переживать». Находил утешение в творчестве: к 17 августа сочинена первая часть Сонаты для виолончели и фортепиано.

Возвратившись в Ленинград, Шостакович наладил отношения с женой и 31 декабря 1934 года сообщил Константиновской: «Милая Ляля!.. У меня очень больная Нина. Я совершенно измучился от утомления. Исполняю обязанности сиделки, сестры милосердия и т. д. Поэтому я Вам не пишу и не звоню».

В 1935 году Шостакович стал появляться с Константиновской открыто на спектаклях, концертах, приходил к ней домой, прислал ей письмо из Турции, куда ездил летом в концертное турне, привез ей оттуда подарок — сафьяновый чемоданчик...

29 августа 1975 года, уже будучи тяжело больна, 60-летняя Е. Е. Константиновская записала на магнитофонную пленку свой краткий рассказ о финале этого трудного романа:

«Много раз мы рвали. И все начиналось... Я была измучена. Наконец, он решился. Все было, как в дурном романе. Я прождала до глубокой ночи. Позвонил ему. Жена ответила: «Дмитрий Дмитриевич остается дома». На этом все кончилось. Нина Васильевна ожидала ребенка. На меня посыпались несчастья. По доносу меня исключили из комсомола, арестовали. В тюрьме я получила открыточку от Шостаковича. Когда меня выпустили, он пришел ко мне с альбомом ругательных рецензий под мышкой: это было в начале 1936 года после разносных статей «Правды» о его музыке. Коллеги, друзья от него отшатнулись. Он сказал мне: «Вот видите, как хорошо, что Вы не вышли за меня замуж». Я попросилась в Испанию, где шла гражданская война. Там познакомилась с кинооператором-документалистом Романом Карменом и вышла за него замуж. Когда я возвратилась, мать Шостаковича Софья Васильевна сказала: «Вот Ляля вернулась с хорошим мужем». На что Шостакович ответил: «Кто знает, может быть, ей было бы лучше стирать пеленки моих детей». Дружеские отношения с его сестрой Марией Дмитриевной, с Софьей Васильевной сохранились. Они называли меня — наша несостоявшаяся родственница».

В дальнейшем Е. Е. Константиновская заведовала кафедрой иностранных языков Ленинградской консерватории. Была замужем за профессором С. Выгодским, вырастила дочь. С Шостаковичем встретила всего один раз, когда он написал предисловие к ее учебному пособию для студентов консерваторий. В блокаду письма Шостаковича оставались в квартире Константиновской, чудом сохранились. После кончины Константиновской о ней писали так:

«Когда она, 20-летняя ленинградка, в белом платье, с боевым орденом Красной Звезды на груди, после возвращения из Испании шла по Невскому проспекту, то люди не скрывали своего восхищения, замедляя шаг, с волнением останавливались. Люди привыкли верить в тех, кто может идти на подвиг ради жизни других».

Софья ХЕНТОВА,
доктор искусствоведения.

Профессор Ленинградской консерватории Софья Михайловна Хентова — автор двухтомной монографии «Дмитрий Шостакович: жизнь и творчество», почетный член Общества Шостаковича в Великобритании и Германии. Она — организатор и творческий руководитель научных чтений, посвященных Д. Д. Шостаковичу, которые уже 15 лет ежегодно проводятся в консерватории.